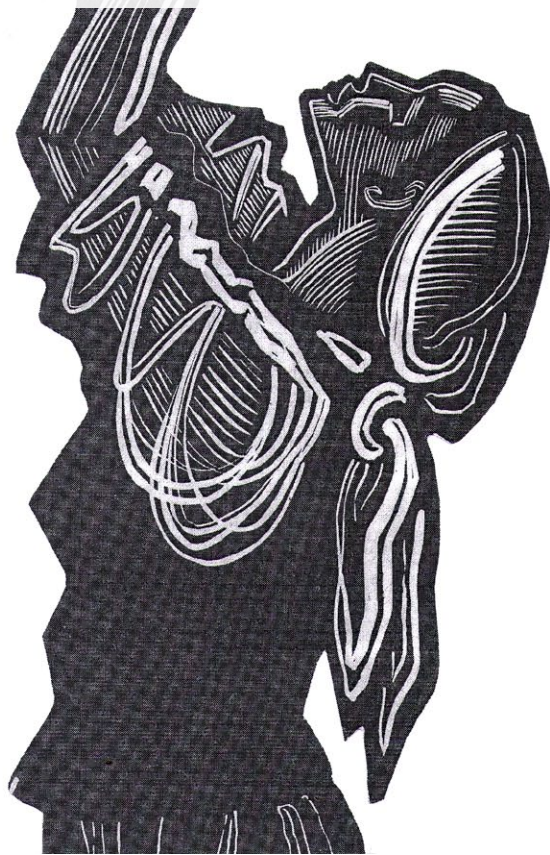

WEIRD SISTERS

фемзин

Выпуск № 2: Женщина должна

Бишкек
Ноябрь 2014

Weird Sisters

фемзин

Выпуск № 2: Женщина должна

Weird Sisters – ведьмы из шекспировского «Макбета» с неопределенной гендерной идентичностью (женщины с бородой). В современных интерпретациях пьесы встречается вариант «Queer Sisters».

*Мясо трех болотных змей,
Разварись и разопрей;
Пясть лягушки, глаз червяги,
Шерсть ушана, зуб дворняги,
Жало гада, клюв совенка,
Хвост и лапки ящеренка -
Для могущественных чар
Нам дадут густой навар.*

Макбет. Перевод М. Лозинского

Содержание

- 5 **Женщина должна / W. S.**
- 10 **Игра «Бинго» для Нерожаящих / Мохира
Суяркулова**
- 27 **Кухня и освобождение от нее:
домашняя работница в советской прессе 70-х гг. /
Оксана Шаталова**
- 56 **Внутренняя мизогиния и внутренний сексизм.
Часть II / Айканыш Абылова**
- 63 **Женщина должна быть приветливой и милой: Что
с моим лицом, и почему это вас волнует? / Диана
Ухина**
- 66 **Гимнастика номера / W. S.**

Обложка, проект «Бунт графики»: Диана Ухина

Редактура, фото из серии «Равновесие»: Оксана Шаталова

Дизайн, верстка: Самат Мамбетшаев

«Женщина должна»

Ежедневно – привычно-неразлично или агрессивно-назойливо – эту бессмертную фразу транслируют родственники и друзья, экраны и страницы. Простосердечно советуют родители, Александр Васильев и канал «Ю»:

Женщина должна быть аккуратной, бережливой, бодрой, верной, выносливой, глупой, горячей, домовитой, жалкой, желанной, заботливой, загадочной, изящной, истинной, качественной, кухонной, любящей, миниатюрной, мудрой, мягкой, настоящей, новой, обильной, отборной, плодородной, прекрасной, разной, резиновой, робкой, сердечной, слабой, страстной, терпеливой, томной, уютной, фееричной, хитрой, ценной, чуткой, шустрой, щедрой, эргономичной, юной, яркой.

Иногда фраза меняет контекст и становится грамматически более сложной. Сочувственно советуют анархисты, феминисты, активисты, художники совриска:

Феминистка должна быть сдержанной: не обличать, не повторяться, быть изобретательной, не употреблять избитых слов типа «сексизм» и «шовинизм», иначе от нее отвернутся интеллектуалы. Феминистка должна быть безмятежной, толерантной к нападениям необращенных, терпеливо объяснять и агитировать, иначе от нее отвернутся все остальные. Феминистка-художница должна делать работы на темы, более широкие, чем «просто женский вопрос»: национальные особенности страны или проблемы рабочих, иначе ее не возьмут на нефеминистскую выставку. Феминистка должна быть «привлекательной» и не должна быть бездетной, иначе она подтвердит банальные стереотипы и будет лить воду на мельницу противников феминизма. Феминистка не должна быть феминисткой.

Кому я задолжала еще до моего рождения, – так, что родилась с долгом, который, как ни оплачивай, только возрастает? Кто эти всемогущие кредиторы, дающие право на меня первому встречному – право незваными вторгаться в мое личное пространство со своими амикошонскими репликами и бестактными похвалами, право советовать, допрашивать, требовать ответа? «Девушка, почему вы

грустная?», «Почему вам муж позволяет ездить одной?», «Когда ты, наконец, родишь?», «Правильно ли ты воспитываешь ребенка?». Почему каждый считает своим долгом инспектировать мою жизнь, а моим долгом – отчитываться перед незнакомцами? Потому что: быть женщиной – быть должной. Догматы уверяют, что эти обязательства – обратная сторона прав. Но ежедневная практика и теория показывают, что право у нас одно – всегда быть должной.

В этом небольшом журнале мы не претендуем на «раскрытие темы» (которая фактически совпадает с феминистской повесткой как таковой). Но постараемся осмыслить и обсудить конкретные формы этих долженствований, а также отказов и отступлений от них, – чреватых стигмой и неодобрением. Это и обязательный «материнский долг», и не менее почтенный долг «хранительницы очага» («хорошей хозяйки»), и долг эмоциональной услуги, и долг забвения и отвержения себя, долг отрицания женской солидарности.

Наш стейтмент предельно прост: патриархат измышляет для нас всё новые и новые долги/обязанности для того, чтобы заболтать и скрыть очевидную вещь:

ТЫ НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА.

W. S.

На следующих страницах и на стр. 24-25, 54-55:

Проект *Дианы Ухиной* «Бунт графики», использующий ситуационистскую технику детурнемана (detournement) и «переприсваивающий» графические работы Л. Ильиной.

Лидия Ильина (1915-1994), художница гравюры, книжной иллюстрации, монументального искусства. Самая известная художница Киргизской ССР, принадлежавшая к художественной номенклатуре. Имела множество почетных званий и должностей (народный художник Киргизской ССР, лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена Трудового красного знамени, депутат Верховного совета Киргизской ССР, зампредседателя правления Союза художников Киргизии и др.). Активно выставлялась на международных выставках (была председателем жюри биеннале графики в Чехословакии). Ее работы – это, как правило, визуальная трансляция официального дискурса «окончательно освобожденной советской женщины»: матери-работницы-активистки «борьбы за мир» (разрешенной для советской женщины формы активизма).

Л. Ильина. Счастье (из серии «Материнство»). 1967.

Игра «Бинго» для Нерожающих

Б	И	Н	Г	О
ПОЧЕМУ	У	ТЕБЯ	НЕТ	ДЕТЕЙ?
Когда уже родишь?	Кто тебя будет кормить в старости? Кто подаст стакан воды?	Если все не будут рожать, то род людской вымрет!	Из тебя получилась бы хорошая мать!	А вдруг твой ребенок оказался бы следующим Бетховеном?
Ты – просто эгоистка!	Это твой долг перед богом/нацией/семьей	Если бы твоя мать тебя не родила, то тебя бы не было на свете!	Ты что, не любишь детей?	Это тяжелый труд, но оно того стоит!
Ты просто не хочешь повзрослеть!	И кому ты такая нужна будешь?/ Кто тебя такую замуж возьмет?		Неужели оставишь меня/родителей без внуков?	Рожать – природное предназначение женщины!
Именно такие люди, как ты, должны рожать!	А как же демографический кризис?	А если ты передумашь, а будет уже поздно?	Но у тебя были бы такие красивые/умные/дети!	Пока не родишь своего, не поймешь, какое это счастье!
Дети - цветы жизни!	Ты еще молодая, сама не знаешь, чего хочешь.	Беременность полезна для женского организма. Если не рожать, у тебя будет рак!	Хочешь остаться старой девой?	Дети – наше будущее!

ОТВЕТЫ (вырежи и играй!)

Это не ваше дело.	Из меня могла бы получиться и отличная балерина!	Я ничего никому не должна.	Почему вас так беспокоит, что я делаю со своей маткой?	А вдруг мой ребенок окажется следующим Гитлером?
Мне нравятся некоторые дети, но я не хочу иметь своих.	Вас действительно заботит мое личное счастье, или вы хотите, чтобы я поступила как вы?	А вы говорили это людям про их выбор иметь детей?	Я не верю в евгенику.	Мое решение не является приглашением к непрошенным и бестактным замечаниям.
Предназначение есть у вещей, а я сама решаю, что делать со своей жизнью.	Мне интересны только реальные уже существующие люди и их проблемы.	Я не буду рожать, чтобы сделать кому-то приятно.	Я долго обдумывала свое решение. А вы?	А вы полюбили свою партнершу за ее большую фертильную матку?
Насколько я знаю, Земля перенаселена.	А вы родили ребенка из-за беспокойства за демографию?	Если бы я не родилась, то меня не было бы! И мне было бы все равно.	Мое счастье - в занятиях, которыми не могут заниматься большинство млекопитающих.	Я бы не хотела возлагать на ребенка ответственность за мое счастье.
Вас беспокоит вымышленный рак, а не страшная статистика материнской смертности?	Дети – это не вклад под проценты в банк будущего. Они не обязаны о тебе заботиться.	Меня не интересует количественная экспансия нации или расы.	Я не буду рожать, чтобы угодить воображаемому дядьке на небесах.	Государство должно обеспечить мне достойную старость.

Игра «Бинго» для чайлдфри играется по принципу лото – выбери подходящую карточку для ответа на вопросы, причитания и оскорбления каждого встречного, имеющего мнение по поводу вашего репродуктивного выбора. Как только заполнится ряд по вертикали, горизонтали или диагонали, кричите «Бинго!» – вы выиграли!

Очень часто люди, узнав, что вы не хотите иметь детей, предлагают вам свое ценное мнение, будучи искренне уверенными, что вы слышите подобные доводы впервые и никогда всерьез не задумывались о собственной мотивации, последствиях и социальной цене вашего выбора. Такие высказывания можно классифицировать на несколько подвидов, перечень которых предлагается здесь:

- **Обвинения и оскорбления**

- Сюда относятся обвинения в эгоизме, инфантильности и общем моральном уродстве.

Александр Першай в своем исследовании фразеологизмов о беременности пишет: «На первый взгляд, кажется, что заводить детей или нет – это личное дело каждого. Однако если начать разбираться в этом вопросе, становится понятно, что на самом деле окружающим совсем не все равно, особенно если речь идет о женщине. Чужой репродуктивный выбор становится объектом пристального внимания, если женщина не делает «традиционного», «правильного» выбора» («Фразеологизмы о беременности и возможность репродуктивного выбора», *Женщины в политике: новые подходы к политическому* (<https://yadi.sk/i/CHdomgEYbhwFD>), Феминистский образовательный альманах. Вып. 2. Личное как политическое / Ред. А. Першай и Е. Иванова. Прага: Адліга, 2013, стр. 84). При этом никогда не ставится под сомнение выбор завести детей для «продолжения рода», производства на свет «наследника», для «укрепления семьи» или с целью удержать партнера, или даже просто необдуманная, несознательная, дефолтная установка на рождение детей.

В современном перенаселенном мире люди, имеющие знания о и доступ к контрацепции, наоборот, должны находиться в позиции защиты своего выбора иметь детей. Профессорка Кристин Оверол, написавшая книгу «Зачем заводить детей: этические дебаты» в статье в газете «Нью-Йорк Таймс» (http://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/06/17/think-before-you-breed/?_php=true&type=blogs&_php=true&type=blogs&_php=true&type=blogs&r=2&) высказала мнение, что «выбор иметь или не иметь детей... является самым важным этическим вопросом, с которым сталкиваются многие люди в течение жизни», утверждая, что для того, чтобы завести детей,

современным людям нужны очень веские причины. От людей, решивших не иметь детей, ожидается объяснение их выбора, но в то же время никто не требует объяснений от людей, делающих выбор завести детей. Никто не спрашивает гордых родителей новорожденного младенца: «А зачем и почему вы решили завести этого ребенка?». В то время как решение завести ребенка – очень ответственно, поскольку оно предполагает, что вы берете на себя обязательство по крайней мере следующие 18 лет нести полную ответственность за жизнь, здоровье, безопасность и благополучие другого человека.

Таким образом, решение не иметь детей этически менее рискованное, так как неродившиеся дети не могут страдать из-за неадекватности родителей или тяжелых социальных условий, в которых они вырастают. Многие люди становятся родителями, не обдумав как следует это важнейшее решение просто потому, что они выросли в обществе, где ожидается, что все должны иметь детей. Некоторые же вырастают и понимают, что это необязательно. Таким образом, чайлдфри не являются безответственными, эгоцентричными или морально-ущербными людьми – во всяком случае не более, чем другие группы людей.

- **«Ты что, не любишь детей?!»** – выражается ожидание, что люди должны любить всех детей, даже гипотетических нерождённых детей. Как и во взаимоотношениях с другими людьми, некоторые представители определенной демографической группы вам нравятся, к некоторым вы можете быть равнодушны, а некоторых на дух не можете переносить.

Однако нелюбовь или просто индифферентное отношение к маленьким людям в обществе культа детей расценивается как синонимичное бесчеловечному, озлобленному и безрадостному. Человеческие дети рождаются несамостоятельными и сильно зависимыми от заботы окружающих, быть может, поэтому нам так важно думать, что дети автоматически всем нравятся и вызывают исключительно любовь и желание о них заботиться. Часто нерожаящие женщины стремятся доказать, что они очень любят детей и продемонстрировать, что находят их компанию интересной и приятной, подсознательно, быть может, опасаясь, что в противном случае их посчитают монстрами. Люди, выбирающие

не иметь собственных детей, могут как любить, так и не любить конкретно взятых отдельных младенцев или всех детей вообще. Но никто не обязан любить определенную демографическую группу и в особенности восхищаться именно вашим чадом.

На самом деле, многим родителям (судя по их поведению) не нравятся их дети. Это вполне можно понять, ведь никто заранее не знает, каким будет их ребенок – и существует вероятность, что вы не полюбите своего, и что он не будет вам нравится (<http://www.redbookmag.com/kids-family/advice/i-dont-like-my-child>). К тому же, если решение о рождении ребенка принимается под давлением партнера и/или родных, вполне вероятно, что женщина будет чувствовать отчуждение и неприязнь к ребенку (<http://migsovet.ru/ya-ne-lyublyu-svoego-rebenka.html>), отобравшему у нее привычный уклад жизни и чувство собственной ценности и целостности.

- **Сомнительные утверждения и непрошенные советы доморощенных психологов**

- ***«Пока я не стала матерью, не знала истинного счастья», «Вот родишь, поймешь» или «Если ждать, пока захочешь, никогда не родишь. Рожай, пока молодая!».*** Кроме того что подобная постановка вопроса поощряет или оправдывает беспечное отношение к деторождению как к чему-то, что просто «случается» с женщинами, а не как нечто, что может регулироваться с помощью современных средств контрацепции и, следовательно, планироваться, – существует несколько других возражений подобным «добрым советам». Даже в случаях, когда послеродовая депрессия и отсутствие любви к новорожденному сменяется привязанностью по истечении нескольких месяцев (<http://www.babyblog.ru/community/post/rstory/1696877>), мне эта ситуация напоминает «стокгольмский синдром» или способ примириться с ситуацией, из которой нет выхода («Стерпится – слюбится»). К тому же подобные высказывания выдают желаемое за действительное, не объясняя процесс того, как же именно достигается пресловутое материнское счастье, и наступает неизбежная, как прилив, материнская любовь там, где предпосылок для нее не видится. Даже если кто-то и нашел смысл жизни и новое призвание в том, что радикально изменил свою жизнь (например, переквалифицировавшись из бухгалтера

в танцовщицу танго), это еще не значит, что это хорошая идея для меня. К тому же неадекватное ожидание того, что маленький беззащитный человек, родившись, сделает тебя счастливой, перекладывает груз ответственности за счастье взрослого человека на ребенка, который не является ни волшебником, ни маленьким психоаналитиком, ни человеческой версией домашнего питомца.

- **Эмоциональная манипуляция и шантаж**

- **«Если бы ты действительно любила меня, ты бы хотела от меня детей!»**. Действительно любящий, ценящий вас как самостоятельную личность, и самодостаточный партнер не скажет подобного. Если мужчина давит на вас в этом отношении, задумайтесь о его мотивации. Что кроется за тщеславным желанием: иметь «наследника» (чего? трона?), продолжения рода (что в нем такого ценного?) или обретения маленького человека, полностью подчиненного и зависящего от тебя.

Для многих людей дети – это способ убежать от осознания собственной смертности, достичь бессмертия через акт создания «маленького себя». Дети также часто используются амбициозными родителями для осуществления собственных несбывшихся мечтаний или в качестве сублимации – из родительства делается карьера. Однако, дети – отдельные от родителей личности и не обязаны служить инструментами их амбиций и проекций. И, по определению, дети не могут дать согласия на собственное рождение, и когда они рождаются, то уже невозможно изменить этот факт.

Если ваш партнер ценит вас как личность, а не как репродуктивную машину, вы сможете быть счастливыми и без «продолжателей рода». Хорошая новость: согласно исследованиям ученых британского Открытого Университета (http://www.huffingtonpost.com/2014/01/13/childless-couples-happier-kids-study_n_4589368.html), пары без детей могут быть счастливее и чувствовать, что партнеры их больше ценят, чем в парах с детьми.

И наоборот, после рождения детей многие пары испытывают отчуждение друг от друга. Это часто связано с тем, что мы, к сожалению, живем в мире, в котором даже при наличии партнера

ответственность за репродуктивный труд, сопряженный с родительством, практически полностью возлагается на мать. Все матери – посути матери-одиночки. Деторождение сопровождается увеличением нагрузки на женщину в сфере репродуктивного труда, – согласно патриархатному гендерному шаблону. То есть в семьях, – где в первые годы после брака супруги поровну делят домашние обязанности, находятся в карьерном плане примерно на одном уровне и зарабатывают примерно одинаковые зарплаты, – с рождением ребенка положение жены значительно снижается в социальном и карьерном плане, она уходит в декретный отпуск, тем самым теряя квалификацию и заработок, и при этом на нее возлагается большая часть домашнего репродуктивного труда. В таких семьях уровень счастья и удовлетворения партнером значительно снижается.

- **«Я хочу нянчить внуков!»**. Если у вас нет детных братьев или сестер, то вашим родителям не повезло. Но их желания, как и желания других людей, не должны быть решающими в таком фундаментальном для вашей жизни вопросе.

- **Обесценивание**

- **«Ты еще молодая, не понимаешь», «Ты наверно, бесплодная, и так пытаешься себя утешить», «Да кто такую страшную захочет»** – все эти оскорбительные высказывания на самом деле пытаются обесценить ваш выбор как: 1) позу, кокетство или глупость неокрепшего ума «девочки»; 2) попытку скрыть физиологическую неспособность иметь детей за заявлениями о нежелании их иметь; 3) попытку выдать неспособность забеременеть по причине непривлекательности за собственный самостоятельный выбор. Во всех трех случаях отрицается тот факт, что «нормальная» женщина может принять самостоятельное и осознанное решение не рожать. Таким образом, во всех этих случаях обесценивания собеседница представляется как «недоженщина» – по причине незрелости, бесплодности или несоответствия общепринятым стандартам красоты.

Недаром единственным эквивалентом термина чайлдфри в русском языке является фразеологизм «синий чулок», который подразумевает нежелательную модель феминности вообще и

пренебрежение обладательницей этого эпитета общепринятыми понятиями о легитимной женственности и привлекательности. Першай пишет: «Эта фразеологическая единица имеет отрицательную коннотацию и имплицитно указывает на нежелательность выбора женщиной иной модели поведения, чем забота о муже, семье, потомстве, и, в конечном счете, об андроцентричном традиционном обществе и его статус-кво» («Фразеологизмы о беременности», стр. 88). Он продолжает:

С другой стороны, фразеологизм *синий чулок* означает и женскую независимость и самостоятельность, что не может оцениваться положительно в патриархальном обществе, т.к. исключает возможность контролировать женскую сексуальность и ее репродуктивный выбор. Данная единица стоит особняком и скорее является знаком того, чего традиционное общество предпочитает избегать, потому что такая женщина выпадает из установленной системы распределения власти и личной свободы (стр. 89).

В некотором смысле, обесценивание является более честной реакцией вашего собеседника, нежели, к примеру, апелляция к нуждам демографии, поскольку обнажает то, насколько люди не готовы воспринимать ваш позитивный выбор как легитимный и разумный – настолько он не вписывается в их жизненный опыт и понятийную матрицу.

- **Поклонение природе**

- **«Рожать – природное предназначение женщины», «В тебе проснется материнский инстинкт», «Биологические часы тикают»** – поклонники «природы» отождествляют биологию и генетику с неизбежной судьбой. Тот факт, что женский организм способен на беременность и деторождение, интерпретируется «натуралистами» как его «предназначение» по аналогии с функцией объектов, созданных людьми, – пылесос для уборки, мясорубка для производства фарша, кофеварка для заваривания бодрящего напитка. А поскольку женщина приравнивается к биороботу по производству других человек, то у нее соответственно есть не только «природная функция», но и срок годности, – отсюда и пресловутые «биологические часы». Такому простенькому детерминизму противостоит куда более

убедительная конструктивистская позиция, которая ставит под сомнение природность и неизбежность «материнского инстинкта». Так, Анна Шадрина пишет: «Неизвестно, хотели бы все люди без исключения «продолжать род», если бы их к этому не обязывала культура. Человека нельзя поместить в социальный вакуум, чтобы выяснить, «как работает природа в чистом виде». Но если бы желание воспроизводиться было «естественным», контроль над рождаемостью был бы невозможен» («Как насчет «материнского инстинкта», или Почему незамужние женщины сомневаются, производить ли на свет детей?», *Женщины в политике: новые подходы к политическому* (<https://yadi.sk/i/CHdomgEYbhwFD>), стр. 102). К тому же, всем известно о «материнском инстинкте», но никто никогда не упоминает об «отцовском инстинкте». В общественном сознании мать – всегда более ответственный родитель, не только давшая жизнь, но и обязанная нести весь труд по заботе и воспитанию. Согласно Нэнси Чодороу, *материнство* это «эмоциональная работа по уходу за детьми, которая объясняется «биологической потребностью» женщин, и не предполагает участия отцов в заботе о детях». Это разделение труда в семье по гендерному принципу, как объясняет психоаналитик и авторка книги «Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола», является результатом дифференцированной социализации мальчиков и девочек, и не обусловлено биологией (процитировано в *Женщины в политике: новые подходы к политическому*, стр. 103).

- **Демографический экспансионизм (государство, нация, раса, биологический вид)**

- **«Нас ... (кыргызов/эскимосов/зеленоглазых/леворуких/носителей языка эсперанто/налогоплательщиков/хомосапиенсов) и так мало! Это твой долг перед нами - рожать»** – по мнению экспансионистов, рожать детей – не только предназначено женщине Природой, но и является ее Долгом перед «Родиной», «народом» или «обществом». Хотя «натуралистический» подход часто включен в логику демографических экспансионистов, ими придумываются всяческие средства поощрять деторождение – льготы и награды для многодетных, налоги и социальная стигма для

нерожающих. Все эти потуги заставить людей рожать «для улучшения демографии» противоречат тезису о естественности «материнского инстинкта», так как, по всей видимости, его пробуждение нуждается в сильном поощрении или принуждении со стороны государства и общества.

Кроме того, существуют способы нормализации гетеросексуальной семьи с детьми посредством массовой популярной культуры, навязывающим репродуктивную модель подспудно. Эти представления о «норме» настолько глубоко проникают во все сферы нашей жизни, что становятся незаметными и «естественными». Ольга Петрукович в статье «Childfree как право на добровольную бездетность» объясняет озабоченность государства репродуктивными процессами среди подвластных ему граждан с помощью концепции «биовласти», предложенной Мишелем Фуко:

...биополитика осуществляется и насаждается через дискурсы общественной полезности, медицины, медиа и т.д., которые формируют определенные ценностные установки, ведь работая с ценностями, формируя их и поддерживая, куда проще добиться соблюдения различных правил поведения, нежели используя прямые запреты или вводя ограничения. Биовласть работает с индивидами и обществом в целом через установление норм, которые регулируют, каким образом должны происходить те или иные ритуалы и практики (т.е. как жить, питаться, заботиться о здоровье, когда заводить семью, когда и в каком количестве производить детей) и обязанности соответствия этим нормам (*Женщины в политике: новые подходы к политическому*, стр. 95).

Таким образом, чайлдфри могут также рассматриваться как подрыватели режима биовласти, своим отказом размножаться расшатывающие устои нормативности.

- **Аргумент от религии**

- Для верующих людей (христианской, мусульманской или иудейской деноминации) аргумент от догмы: **«Бог сказал: «Идите и размножайтесь»** может стать веской причиной для отказа от средств контрацепции. Это может быть интерпретировано как вариант

демографического экспансионизма – нам нужно умножить свое количество! – так и как способ контролировать женскую сексуальность в патриархатном обществе, где все сексуальные отношения обретают легитимность только в рамках гетеросексуального брака, и где единственной целью для секса может быть производство потомства. Таким образом, например, беременность вне брака становится неприемлемой и проблематичной – мы все знаем историю, когда девушка забеременела неизвестно от кого, и ей пришлось врать про «непорочное зачатие» – а теперь из-за этого существует целая религия! Здесь важно понимать причинно-следственную связь – практика побивания прелюбодействовавшей женщины камнями существует не из-за религиозной догмы, а наоборот, религиозная догма подкрепляет угнетающую патриархатную практику.

Религиозные оправдания могут быть использованы и для отрицания экономической ответственности за благосостояние собственных детей: «Раз уж Бог дал детей, то даст и на их пропитание» – относится к разряду успокаивающих приговорков типа «Бог дал, Бог взял». Такая рационализация – это прямой результат первичного отрицания церковью возможности контрацепции, что приводит к невозможности планирования семьи (http://www.bbc.co.uk/religion/religions/christianity/christianethics/contraception_1.shtml).

- **Откровенное вранье**

- ***«Нет ничего естественнее беременности», «Рожать не так уж и больно!»*** – как беременность, так и роды окружены всевозможными культурными практиками, социальными значениями, суевериями и ритуалами. Таким образом, как и прочие человеческие действия и явления, они вовлечены в систему дискурсов и материальных структур, являющихся продуктом человеческой деятельности. Общепринятое сентиментальное понимание беременности, – например, как «вынашивания под сердцем» ребенка в идеально дружественном и уютном лоне матери, как симбиотического существования беременной и плода или даже как жертвы, приносимой матерью для будущего ребенка – ставится под сомнение конфликтной метафорой эволюционных биологов, утверждающих, что беременность на самом деле является войной за выживание между организмом матери и эмбрионом (<http://aeon.co/magazine/>

[science/pregnancy-is-a-battleground-between-mother-father-and-baby/](#)). Таким образом, несмотря на «естественность» обоих пониманий беременности – как процесса симбиотического или как конфликта интересов между телом матери и внедрившимся в нее «паразитом» – они имеют драматически различные валентности. В природе есть место для огромного спектра явлений, но только человеческая мысль может наделить их позитивными или негативными значениями. И поскольку из «природы» можно извлечь сколько угодно взаимоисключающих «уроков», «естественность» явления не должна становиться мерилом его желаемости.

Хотя многие феминистки возражают против медикализации беременности и родов (<http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11251720>) и пропагандируют «естественные» домашние роды в бассейне в присутствии повитухи, эти женщины в основном обладают привилегиями женщин среднего класса из развитых стран с хорошо развитой медициной и системой здравоохранения, в то время как женщины из развивающихся стран требуют улучшения доступа к медицинской помощи для беременных и рожениц. Утверждения некоторых феминисток о том, что родовая боль в большей части является психосоматической, могут и быть верными, но для большинства женщин мира роды остаются не только очень болезненным, но и смертельно опасным опытом.

Каким бы «естественным» ни был процесс родов, помощь роженице практикуется во всех культурах и во все времена. Так уж устроена человеческая физиология, что один из каждой тысячи рожденных детей имеет слишком большую голову для прохождения через родовой канал (<http://www.americanscientist.org/issues/pub/why-is-human-childbirth-so-painful/1>), что означает необходимость извлечения ребенка с помощью кесарева сечения. Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения (<http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs348/ru/>), самой главной причиной смертности среди женщин по всему миру является материнская смертность в результате осложнений, связанных с беременностью и родами, из-за которых по всему миру гибнут около 275 000 женщин

каждый год, и 99% этих смертей приходятся на развивающиеся страны.

Согласно данным Министерства здравоохранения, в Кыргызстане в 2013 году умерла 61 беременная женщина (<http://www.kabar.kg/rus/health/full/70925>). Из всего региона в стране наблюдается самый высокий уровень материнской смертности (<http://ktrk.kg/ru/content/v-kyrgyzstane-vysokiy-uroven-materinskoy-smernosti>), где в среднем, по данным 2014 года, из 100 000 женщин при родах умирает 50. В статье «Вечернего Бишкека» за 11 июля 2012 года (http://www.vb.kg/doc/194223_nazvany_osnovnye_prichiny_materinskoy_smernosti_v_kyrgyzstane.html) сообщалось о плачевном состоянии дел в стране в отношении безопасного материнства и доступа к контрацепции:

«В стране не построено ни одного стационара, соответствующего международным стандартам. Не хватает оборудования для безопасных родов. Денег на обеспечение программы госгарантий также не хватает. На местах у медицинских работников недостаточные знания по контрацепции. Контрацептивы приобретают только застрахованные женщины, а домохозяйки их почти не используют. К тому же 70% аборт в стране – это выскабливание полости матки, в то время как медикаментозные аборт только начинают внедряться», - прокомментировала представитель Министерства здравоохранения Анара Эшходжаева.

Принуждение к деторождению, особенно в условиях стран, где многие женщины не имеют доступа к адекватной медицинской помощи и средствам контрацепции, является не только незаконным, негуманным, но и одним из способов угнетения женщин, усиливающих социальное неравенство.

- **«Если не рожать, у тебя будет рак»** - Хахаха! Нет (<http://lifewithoutbaby.com/2010/12/04/childless-women-and-breast-cancer-risk/>).

- **Лесть**

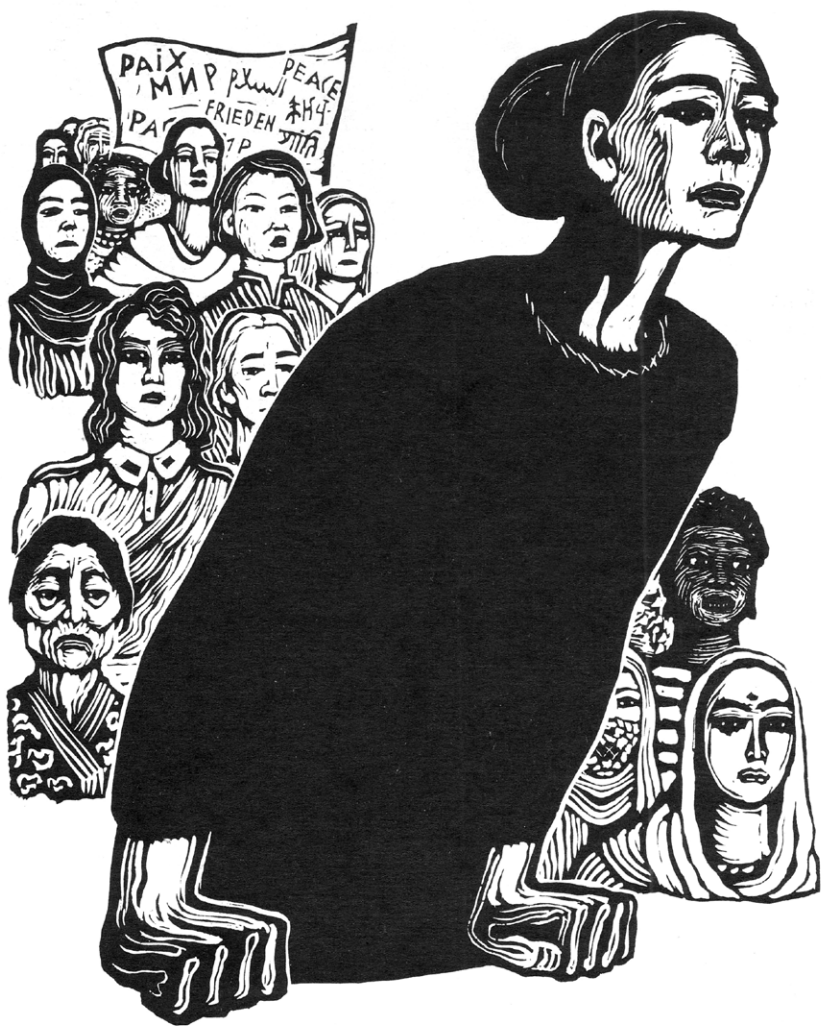
- **«У тебя были бы такие красивые дети!», «Такие умные люди, как ты, должны размножиться!»** – так размышляют те, кто подвержен лукизму (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%Do>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0>) и привержен идеям евгеники (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0>). Бесчеловечно и неприлично считать, что кто-то более заслуживает или что кому-либо следует обязательно передать свой генетический материал следующему поколению. К тому же социальные и многие другие факторы могут вмешаться, и вместо «дизайнерского ребенка» на свет может появиться ребенок, не соответствующий ожиданиям генных инженеров и доморощенных евгеников.

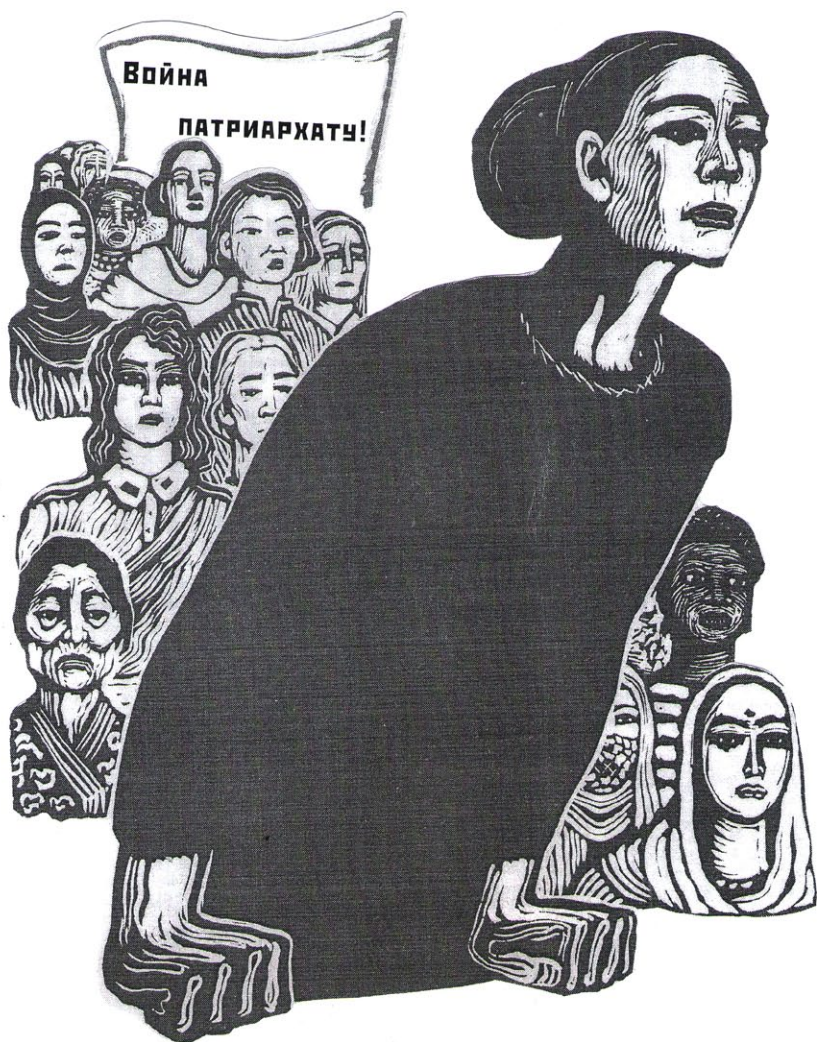
- **Нерелевантные гипотетические сценарии**

- А что если...? «Ты передумаешь?» / «Твой партнер захочет детей?» / «Все откажутся рожать?» / «Твой нарождённый ребенок оказался бы гением?» / «И твои родители бы так рассуждали?» / «...ты залетишь?» / «Марсиане атакуют Землю?» / Произойдет зомби-апокалипсис, и ты будешь среди последних выживших?» – No comment.

Мохира Суяркулова

Л. Ильина. Женщины мира. 1968.

Кухня и освобождение от нее: домашняя работница в советской прессе 70-х гг.

Оксана Шаталова

Сегодня на фоне консервативного поворота и демонтажа «соцалки» мы часто обращаемся к советскому опыту как примеру иной – по сравнению с нынешней – гендерной политики. Какое место занимает советское «освобождение женщин» по отношению к текущему «ренессансу патриархата», находимся ли мы на стадии «регресса», – эти и подобные вопросы наделяют ретроспективные экскурсы насущным смыслом.

Задача этого обзора печати 70-х гг. – проследить, каким образом советская пресса конструировала образ женщины-работницы репродуктивного¹ труда. Материалом исследования послужили: архив журнала «Работница» за 1971, 1975, 1978, 1980 гг.; «Советский Красный Крест» за 1975, 1976, 1979, 1980 гг., т.е. пресса брежневского «периода развитого социализма», – именуемого сегодня в зависимости от позиции оценщика либо «застоем», либо «стабильностью». Обыденным сознанием этот период обычно расценивается как эталонное «спокойное» советское прошлое.

ДИСКУССИОННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Начнем с «истоков», а именно, с первых послереволюционных лет (1917-1930). Именно это десятилетие надолго определило накал и градус, как тогда говорили, «женского вопроса». Продукт этого периода – лозунг «Освободим женщину от кухонного рабства» стал ритуальной формулой и этическим требованием на протяжении всей советской истории. Так или иначе, но на него ориентировались.

Итак. В первые годы после революции (1917-1920) большевики приняли ряд законов, вошедших в историю феминизма: уравнивали женщин в юридических правах с мужчинами, отменили церковный брак, облегчили развод, легализовали аборты и т.д.

1 Под «репродуктивным» понимается труд не производящий, но воспроизводящий, труд по жизнеобеспечению, поддержанию условий жизни: приготовление пищи, уборка, стирка и др. См.: Словарь гендерных терминов. <http://www.owl.ru/gender/146.htm>

Была декриминализована гомосексуальность ввиду отмены уголовного кодекса Российской империи. В то время феминистский лозунг «личное есть политическое» прозвучал бы очень уместно. Проблематизировались и ставились под сомнение все без исключения «интимные» области жизни: семья и брак, сексуальность, семейное воспитание детей. Это десятилетие можно расценить как «дискуссионное» и «не определившееся», – анархическое относительно политик в области гендера и сексуальности: период *«радикального переустройства института семьи и сексуальной революции в России»*².

Риторика «освобождения женщин» вращалась тогда вокруг проблемы «быта»: считалось, что старый альковно-кухонный быт должен быть разрушен, как Карфаген. Женщина будет «освобождена от кухонного рабства», поскольку всю нагрузку возьмет на себя социалистическое государство. Новый быт будет коллективистским, обобществленным, централизованным.

В целом консенсус по вопросу быта совпадал с пассажами из популярной среди марксистов книги А. Бебеля «Женщина и социализм»³, опубликованной еще в 1879 году. В главе «Коммунистическая кухня» Бебель постулировал, что приготовление пищи должно быть основано на научных принципах, а не на кустарном наитии домохозяек. Частная семейная кухня с ее малой производительностью труда и нерациональной тратой времени – такой же пережиток, как и ремесленный станок. Пережиток будет устранен, освободив при этом *«бесчисленное количество женщин»*. Произойдет автоматизация кухонного труда. Благодаря широкому внедрению электричества распространится машинное производство пищи, – каждая из машин будет специализироваться на отдельной операции, – чистке картофеля, набивке колбасы, рубке мяса, резании хлеба и др. Машины будут управляться небольшим числом операторов и производить еду в промышленных масштабах.

2 Рабжаева М. Историко-социальный анализ практик семейной политики в России XX века. <http://www.el-history.ru/node/326>

3 Бебель А. Женщина и социализм. Госполитиздат. М., 1959. http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/bebel_woman.html

Плакат 1931 г. Художник Г. Шегаль

Попытки создать материальные предпосылки нового устройства жизни стали предприниматься почти сразу после революции. В Москве и других городах строились дома-коммуны специально для коллективистской жизни, – в них отсутствовали частные кухни и не существовало общественных столовых. Правда, строительство подобных объектов шло скромно, однако идеи, замыслы, фантазии принимали глобальные масштабы. В конце 20-х – начале 30-х появилась целая лавина футуристических проектов, – причем авторами их были не уличные мечтатели, а чиновники Госплана. Проектировщики новых социалистических городов уделяли огромное внимание проблеме быта⁴. Кухня

из социалистического жилища изгонялась. Приготовление пищи замыслилось в согласии с идеями Бебеля, – на пищевых комбинатах, производящих готовые обеды, развозившиеся затем в термосах по столовым⁵. Стирка, чистка, уборка механизировались и ставились на поток. Вот так, например, предлагалось производить уборку в социалистическом поселении, состоящем из индивидуальных домиков: «Уборка комнаты... производится специальным персоналом. Объезжая на автомобиле ячейку за ячейкой, соответствующими орудиями уборки производят очистку комнаты, забирают грязное белье, приносят стиральное, починенное и пр. Кроме того, санитарный инспектор дороги или участка проверяет санитарно-гигиеническое состояние ячеек»⁶.

4 См.: Хазанова В. Дискуссия о социалистическом расселении. В кн.: Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. http://www.alyoshin.ru/Files/publika/hazanova/hazanova_5let_04.html

5 Сабсович Л. Социалистические города. М.: Московский рабочий, 1930. С. 59, 63.

6 Барц М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н. Магнитогорье. Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 50.

РАПОРТ

Председатель женской комиссии завода Т. В. Чарина.

Директор завода И. Ф. Крутков.

ПО ЖЕНСКОМУ

Председатель женской комиссии цеха Н. И. Малыгина.

Заведующая районной женской консультацией В. Д. Собянина.

ВПРОСЫ

Из «Работницы» 70-х гг.

Фестиваль подобных идей (повторю, что это были всерьез обсуждавшиеся проекты Госплана) длился в СССР до мая 1930 года, – а именно, до выхода постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта». Обиженным тоном в постановлении осуждались «проекты перепланирования существующих городов и постройки новых исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон жизни трудящихся...». И далее: «Проведение этих вредных, утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств...»⁷.

Ситуация начала «холодеть». Очередной период советской истории эксперты определяют как «период введения репрессивного законодательства в отношении семьи, сексуальности...»⁸. С 1930 г. аборты становятся платными, в 1936 году запрещаются (вплоть до 1955 года). В Уголовном кодексе всех союзных республик в 1934 году появляется статья «за мужеложство». В 1938 году

7 Постановление ЦК ВКП(б) о работе по перестройке быта. Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 3.

8 Рабжаева М. Историко-социальный анализ практик семейной политики в России XX века.

сокращается декретный отпуск. С 1941 года вводится налог на бездетность. В 1944 году ужесточается процедура развода, и так далее.

Исследовательницы выделяют и третий этап – смягчения семейной политики после 1953 года, но думаю, что третий этап не соответствует по значимости двум первым. Данная нюансировка нивелирует тот факт, что, за исключением «дискуссионного» десятилетия, советская гендерная политика оставалась дискриминационной.

ЭМАНСИПАЦИЯ КАК ПОДАРОК

Панорамно обозревая советскую историю, можно счесть, что «женский вопрос» в СССР был решен успешно. Во-первых, женщины получили государственную поддержку в форме институтов охраны материнства и детства – в частности, сети доступного дошкольного образования и системы выплаты пособий. Советская пресса не уставала заявлять об этих достижениях:

...в общих затратах на содержание ребенка в яслях или садах плата родителей составляет лишь пятую часть, а четыре пятых покрываются за счет общественных фондов... За счет общественных фондов потребления все работающие женщины в СССР получают дополнительный полностью оплачиваемый отпуск общей продолжительностью 112 дней по беременности и родам. Государство целиком берет на себя также заботу о медицинском обслуживании матерей и новорожденных... Из общественных фондов выплачиваются пособия на предметы ухода за новорожденным, на его питание... (Смирнов А. На благо каждого гражданина. Советский Красный Крест. 1979. № 4. С. 7.)

Во-вторых, женщины обрели право на образование и участие в общественном производстве, – еще один маркер эмансипации:

Женщины составляют в нашей стране 51 процент рабочих и служащих и 52 процента колхозников. Из каждых десяти дипломированных специалистов народного хозяйства (т.е. окончивших вузы и техникумы) шестеро – женщины... Подавляющее большинство учителей, врачей и средних медицинских работников – женщины. Скажем, кстати, что в мире капитализма женщин среди

врачей почти нет. (Переведенцев В. Женщина на работе и дома. Советский Красный Крест. 1975. № 12. С. 23.)

Однако если мы вспомним условие эмансипации по Ленину – а это участие женщин в *«управлении общественными предприятиями и в управлении государством»*⁹, – то такой критерий повода для торжественных рапортов не предоставит. В советских «эшелолах власти» женщин было ровно столько, чтобы хватило для украшения обложек журналов, рапортующих об «окончательном освобождении». То есть единицы: *«В общем составе населения в 1966-1967 годах было 45,8% мужчин и 54,2% женщин; в составе партии - 79,1% мужчин и 20,9% женщин; в составе Центрального Комитета партии - 97,2% мужчин и 2,8% женщин; в Политбюро и секретариате 100% мужчин. Ничтожно малое количество женщин находилось на руководящих постах в районных, городских, областных комитетах партии, направлявших текущую жизнь страны. Это значит, что те структуры власти, которые реально разрабатывали внутреннюю и внешнюю политику, были закрыты для женщин...»*¹⁰.

Женщины в СССР не были допущены к процессам принятия решений. Речь идет не столько о «стеклянном потолке» и гендерном дисбалансе в ЦК, сколько о советской вертикальной системе управления как таковой – в том числе управления «женским вопросом». Такую гендерную политику С. Айвазова называет «государственным феминизмом»: *«...независимые женские объединения были запрещены. Дело отстаивания женских интересов советская власть взяла на себя. Так возникло совершенно новое явление «государственный феминизм», или специальная политика государства в отношении женщин, в рамках которой отныне осуществлялась «эмансипация» советских гражданок... Советские женские организации не ставили вопросов о гендерном равенстве. Они пропагандировали партийные решения, в которых говорилось о необходимости «улучшения положения женщин»*¹¹.

Показателен здесь комментарий Кагановича в связи с закрытием

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 158.

¹⁰ Айвазова С. Советский вариант «государственного феминизма». В кн.: Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001. <http://www.owl.ru/win/books/gender/11.htm>

¹¹ Там же.

в 1930 году Женотдела (отдела по работе среди женщин при ЦК и при местных комитетах РКП(б)): «...сейчас большинство женщин уже освобождены, и поэтому необходимости в специальном органе больше нет, так как эту работу возьмет на себя партия»¹².

«Зав. женотделом Киргизского обкома РКП(б) тов. Иванова среди активисток-киргизок», г. Пишпек (1924 г.). Фото из «Работницы» (1987).

Иными словами, женщины были отчуждены от собственной эмансипации. На мой взгляд, такую социальную конфигурацию можно довольно точно описать при помощи понятийной пары «общественное(public)/общее(common)», предложенной социальным географом Дэвидом Харви в книге «Восставшие города: от права на город до городской революции»¹³. Согласно Харви, *общественное* – это такие бесплатные или доступные блага (институты здравоохранения и образования, улицы, площади и публичные парки), которые государство предоставляет населению в качестве отправления своего «социального долга». Эти блага находятся

12 Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860-1930. РОССПЭН. М., 2004. <http://avtonom.org/old/print.php?id=1026>

13 David Harvey. REBEL CITIES. From the Right to the City to the Urban Revolution. London, New York: Verso, 2012. С. 72-73.

под ответственностью, в ведении и распоряжении государства; население лишь использует их. Субъект может быть отчужден/а от *общественного* достояния, может «не ощущать его своим», может вовсе им не интересоваться. Но если он/а предъявляет на него свои права – права распоряжаться и развивать это достояние в соответствии со своими интересами, то *общественное* становится *общим*. Харви приводит пример площадей Синтагма в Афинах и Тахрир в Каире. Площади, *общественные* пространства, сделались *общими* в результате политических действий горожан по их обживанию и присвоению. Иными словами, общественное есть общее в потенции. Процесс присвоения общественного и становления-общим Харви называет *приобщением* (commoning): члены общества волевым жестом принимают *общее* под свою ответственность и контроль, творя одновременно себя как политическую силу. Т.е. «общее» отличается от «общественного» не в правовом смысле, а в смысле социально-политическом; понятие «приобщение» же описывает установление вектора отношений субъекта с *общим*, – иными словами, описывает процесс политизации.

В случае с инфраструктурой женской эмансипации в СССР очевидно, что «приобщения» не произошло. В отсутствие низового активизма и независимых общественных движений «освобождающие» права и гарантии не были сознательно запрошены женщинами, не были отформатированы в соответствии с их интересами, но просто директивно спускались сверху – женщины пассивно одаривались благами, как это обычно и происходит в патриархальном обществе. Единственным активистом и гендерным экспертом было государство. Именно его интересам служила инфраструктура эмансипации¹⁴, хотя эффектом проекта и явилось расширение форм опыта и идентичности для многих женщин.

Советский опыт может послужить уроком нынешним левым ортодоксам, и по сей день видящим необходимый-и-достаточный способ борьбы с патриархатом в создании соответствующей инфраструктуры – и

14 См.: Здравомыслова Е. Перестройка и феминизм. http://chtodelat.org/ar_4/nr_9_3/%D0%B7%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B0-%D0%B8-%D1%84%D0%B5/?lang=ru

в надежде на автономную силу материальных предпосылок (как Бебель видел ключевую предпосылку для создания общественных кухонь в электричестве). В этом левые совпадают с правыми, которые видят эмансипирующий потенциал в развитии рынка, в модернизации, в техническом прогрессе: «постиндустриальное» общество должно коммодифицировать домашний труд, перевести его из приватной сферы в область товаров и услуг, что принесет женщине долгожданное «освобождение»¹⁵. И левые, и правые, таким образом, представляют эмансипацию женщин как автоматический «побочный эффект» экономических трансформаций, а феминистское движение – как избыточное («буржуазная забава») или «преждевременное». Такое линейно-буквалистское понимание конфигурации «базиса и надстройки» обесценивает важность политизации и сознательного участия. Советский опыт показывает, что ни «сама по себе» система социальных гарантий, ни вовлечение женщин в производство – вне участия женщин в процессе собственной эмансипации и самоадвокации – не отменяет автоматически старый гендерный порядок, но лишь адаптирует его. В СССР произошло перераспределение и оптимизация рабочей силы: женщины стали использоваться на производстве как ресурс продуктивного труда и дома как ресурс репродуктивного труда. Плюс – как ресурс производства рабочей силы для производства. Е. Здравомыслова определяет эту систему как «государственный патриархат»¹⁶, уточняя иной аспект – а именно, патриархатное гендерное нормирование. Рамки женской субъектности жестко программировались: гетеросексуальность, замужество, материнство, репродуктивный труд («хорошая хозяйка»). Иные формы общественного поведения получали маргинальный статус и стигму. В настоящей статье я рассмотрю только одну ипостась советской женственности – «хорошая хозяйка», – отраженную в «зеркале-экране» печатной прессы.

15 См.: Мамедов Г. Анализ представлений о социально-классовой структуре постсоветского Кыргызстана: «средний» и «креативный» классы // Вернуть будущее. Альманах Штаба № 1 / Сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек, 2014. С. 205.

16 Здравомыслова Е. Перестройка и феминизм.

КУХНЯ: ПУТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Вспомним классическую фразу Энгельса из «Происхождения семьи, частной собственности и государства»: *«...первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества».*

Если первая часть фразы в СССР с оговорками «сбылась», то вторая автоматически записывает Энгельса в ряды злостных антисоветчиков. И не только Энгельса – в 1924 году лозунг *«Революция бессильна, пока существуют понятия семьи и семейные отношения»* провозгласил Коминтерн¹⁷. Тем не менее, начиная с 30-х гг. гендерно-сегрегированная семья с «природными различиями полов» стала утверждаться в СССР как вечная и безальтернативная, – а такая семья есть форма натурализации домашнего труда женщин. Образ семьи настолько пронизан флюидами «естественности», что труд по жизнеобеспечению семьи не считается в полной мере «трудом», не распознаваем как «труд», т.е. сознательная деятельность по преобразованию природы. Занятие домашними делами – это не работа, а как бы инстинктивное отправление женского организма («любовь и желание заботиться»).

Теперь собственно о кухне. Традиционное семейное разделение труда подразумевает соответствующую пространственную ситуацию, и проектировщики социалистического быта 20-х гг. понимали это очень хорошо: *«Структура жилища (например, деление жилищ на комнаты) вытекает в свою очередь из факта разделения труда внутри жилища»*¹⁸. Эта логика и вела архитекторов 20-х гг. к уничтожению кухни как изолированного пространства. Жилье без кухни – проблематизация гендерного

17 Цит. по: Бовуар С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Bovuvar/o8.php

18 Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья (1929). Цит. по: Меерович М. Дискуссия о соцрасселении. Социалистический город – новый тип управления хозяйственно-производственными процессами. В кн.: Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. Иркутск: ИрГТУ, 2008. http://archi.ru/lib/e_publication.html?id=1850569764

разделения труда, поэтому феминистки сейчас проектируют «открытые кухни», убирая перегородки между комнатами («кухня, поощряющая коллективное кухарство, а также позволяющая объединять процессы приготовления и общения, надзора за детьми и креативного мышления, которому способствует свет и открытое пространство»¹⁹).

Еще в постановлении 1930 года «О работе по перестройке быта» власть возмущалась поползновением авангардистов возложить на государство ту нагрузку, которую «испокон веков» несет женщина. Кухню «вернули» в советские жилища. Это, как и устранение оной, есть акт социальной инженерии: отсутствие кухни навязывает один вариант поведения, наличие – другой. Кухня – пространство со специальной функцией, за которое «отвечает» специальная категория человека со специальными анатомическими признаками – женщина.

Однако обещание «освободить женщину от кухонного рабства» по-прежнему отягощало совесть советского государства и продолжало заявляться как цель – но на этот раз в строгих рамках гендерно-сегрегированной семьи (основное отличие от 20-х). Прокламировалось сразу несколько путей освобождения, которые можно проследить в прессе 70-х. Первый путь – старая идея «обобществления быта», а именно развитие сети общепита и учреждений бытовых услуг. Рапорты о достижениях в этой сфере звучали бодро:

В последние годы широко распространилось выражение о второй, «домашней» смене работающей женщины. Сократить эту «вторую» смену, всемерно облегчить домашние заботы – задача очень серьезная и важная. И для успешного ее решения делается в столице немало – ежегодно открываются десятки новых столовых, кафе, домовых кухонь, магазинов «Кулинария», новых прачечных, химчисток, мастерских по ремонту обуви, бытовых приборов. (Григорьева Г. На работе и дома. Интервью с секретарем Московского городского совета профессиональных союзов, председателем комиссии по работе среди женщин Л. Ю. Туровой. Работница. 1975. № 3. С. 24.)

19 Парфан Н. Семиотика кухни. http://gender-route.org/articles/feminism/semiotika_kuhni/

МЫ ХОЗЯЙКИ БЫТА

Здесь и далее – фрагменты страниц журнала «Работница» 70-х.

В первой половине 70-х сотрудницы журнала «Работница» периодически устраивали рейды в города СССР с целью мониторинга сферы бытовых услуг. Но практически во всех отчетах оптимистические пассажи:

На наших глазах растет и совершенствуется сфера общественного быта. К 1970 году объем услуг возрос по сравнению с 1960 годом более чем в 4 раза, а в этой пятилетке – еще удвоится. Служба быта за девятую пятилетку превратилась в крупную механизированную отрасль народного хозяйства. Уже в ближайшие годы она сможет высвободить каждой семье 7-10 часов в неделю... (Александрова Т., Костыгова Т., Минасьян С. Умеем ли мы отдыхать? Работница. 1975. № 1. С. 7.)

перемежались оговорками в духе «не всё в порядке на местах»:

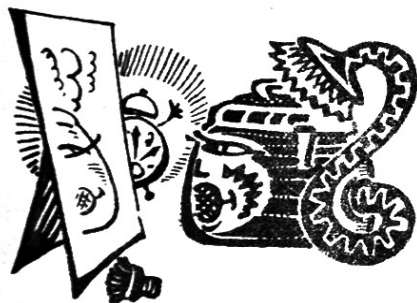
Ни одна из опрошенных работниц не отдает белье в прачечную. Все стирали дома – напомним, что в среднем это занятие отняло у них по два часа. Причина простая: прачечные в Орле стирают неважно, белье подолгу задерживают, к тому же мало приемных пунктов, пока доедешь с узлом – быстрее постирать самой... Ни одна из опрошенных нами работниц не обедала с семьей в кафе или ресторане. Не принято это в Орле. Не существует в «Общепите» такого понятия – «семейный обед», не придумывают специальные воскресные меню,

пригодные для детей. (Александрова Т., Костыгова Т., Минасян С. Умеем ли мы отдыхать? Работница. 1975. № 1. С. 7.)

Подобная риторика кочевала из публикации в публикацию, свидетельствуя о том, что, несмотря на обилие служб быта, снижения домашней нагрузки не происходит.

Второй путь виделся в усовершенствовании бытовых приборов для частного семейного хозяйства. Здесь социалистическая эмансипация полностью совпадала с капиталистической: и советским работницам-хозяйкам, и американским домохозяйкам предлагалось утешиться в объятьях пылесоса: см. книгу Бетти Фридан «Загадка женственности»²⁰, посвященную домохозяйкам, запертым в доме с бытовой техникой, – патриархатный консенсус предполагал, что в окружении умных машин, нажимая на кнопки и двигая рычаги, женщины вообразят себя инженерками и обретут особый вкус к домашней рутине. Таким образом, «электричество», вопреки Бебелю, не подрывало, а, напротив, укрепляло частный быт, придавая ему модный футуристический образ.

ВАШ ПОМОЩНИК ПЫЛЕСОС

24

● Не прижимайте щетку пылесоса изо всех сил к очищаемой мебели или ковру — вы прекратите доступ воздуха, и вся пыль останется на месте.

● Не чистите влажных, тем более мокрых предметов. Это же правило относится и к сильно нагретым!

²⁰ Фридан Б. Загадка женственности (1963). М.: Прогресс, Литера, 1994.

http://www.e-reading.me/bookreader.php/1019773/Fridan_-_Zagadka_zhenstvennosti.html

Третий путь облегчения домашнего труда – применение к нему принципов НОТ («научной организации труда» – популярная советская идея оптимизации производственного процесса). Женщина должна стать новаторкой и рационализаторкой не только на производстве, но и дома:

По сложившейся традиции «рабочее место» на кухне принадлежит женщине. Здесь она и проводит большую часть домашнего времени... Как это ни странно звучит, и на кухне может быть свой НОТ. Во-первых, все должно быть под рукой, все подручные средства домашней хозяйки – винтовой нож, чтобы не открывать консервную банку чем попало, нож для чистки рыбы, картофеля, дуршлаг, сковородник, «прихватки»... А как у вас развешаны на кухне полки? У некоторых хозяек так высоко – на цыпочках не дотянешься... (Мардаровская Е. Дела кухонные. Советский Красный Крест. 1975. № 9. С. 5.)

Судя по динамике публикаций, идея НОТ приобрела популярность позже активной пропаганды «обобществления быта», – когда стало очевидно, что столовые и прачечные не меняют положения домашней работницы. Относительно поздно, в 1980 году, в журнале «Работница» появилась специальная рубрика «НОТ в доме», призванная помочь хозяйкам разумно организовать быт:

Опытная хозяйка знает, какая именно тряпка подойдет для стирания пыли, а какой лучше мыть окно или пол. Ей не придет в голову сначала обмести пыль со стен, а потом снимать для стирки шторы. Очень ценно умение добиться нужного с наименьшей затратой времени и сил. Скажем, если при стирке вы ставите тазик на дно ванны, сгибаясь в три погибели, вы не только хуже выстираете белье, но после этого будете долго ходить с ноющей поясницей. (Витальева А. Ум – хорошо, а два – лучше. НОТ в доме. Работница. 1980. № 3. С. 30.)

Т.е. идея научных принципов быта, также восходящая к Бебелю, была фактически сведена к мизерабельной пародии. Едва ли советы,

публиковавшиеся в этой рубрике, «научно организовывали» домашний труд, – скорее, они, призывали к бытовой смекалке в условиях дефицита потребительских товаров:

Выкройку, которую часто используют, лучше сделать не из бумаги, а из клеенки, тогда она будет жить дольше. (НОТ в доме. Работница. 1980. № 5. С. 28.)

Модерново звучащая аббревиатура НОТ являлась эвфемизмом, прикрывающим тот факт, что и спустя 60 лет существования СССР «кухонное рабство» не было преодолено. Согласно статистическим данным 1978 года, продолжительность домашнего труда замужних бездетных работающих женщин составляла 25 часов 50 минут в неделю, мужчин с аналогичным положением – 8 с половиной часов в неделю (т.е. в 3 раза меньше). Матери несовершеннолетних детей, помимо основной работы, трудились дома 35 часов 45 минут в неделю (т.е. более пяти часов в день), отцы – 13 часов 25 минут в неделю²¹.

В положении молодой женщины сейчас создан своего рода треугольник. Условия научно-технической революции требуют продолжительного общего и профессионального образования. Общество заинтересовано в возможно более полном использовании женщин в производстве. Демографическая ситуация требует повышения рождаемости. Эти три аспекта существенно конкурируют между собой. (Переведенцев В. Браки. Разводы. Дети. Советский Красный Крест. 1980. № 9. С. 29.)

Чтобы согласовать между собой эти «три аспекта», предлагался, наконец, четвертый путь освобождения – разделение домашнего труда с мужьями. Эту идею в журнале «Советский Красный Крест» продвигал демограф В. Переведенцев. В 1975 году он писал:

Если поделить домашний труд примерно пополам, то нынешней громадной перегрузки работающей женщины-матери уже не будет. Но сделать это можно только с ведома, согласия и по доброй воле самих мужей. Никто тут не может дать указания сверху: мужчины, дескать, обязаны столько-то времени заниматься вот такими домашними делами. Мужчины сами должны понять, что их помощь необходима не только жене лично, но им самим и всей

21 См.: Переведенцев В. Браки. Разводы. Дети. Советский Красный Крест. 1980. № 9. С. 28.

семье... (Переведенцев В. Женщина на работе и дома. Советский Красный Крест. 1975. № 12. С. 24.)

Спустя пять лет автор продолжал сетовать на статус-кво:

...многие мужья... отнюдь не склонны заниматься домашними делами, которые по традиции продолжают считать «бабыными»... (Переведенцев В. Браки. Разводы. Дети. Советский Красный Крест. 1980. № 9. С. 29.)

Поняв, что одной надежды на волонтерство мужчин недостаточно, Переведенцев предлагал проводить широкие разъяснительные кампании:

Эти меры должны прежде всего предусматривать изменение у некоторых представителей нашего общества традиционного взгляда на женщину как на основную рабочую силу в доме. Способствовать этому будет широкое обсуждение данного вопроса в печати, прежде всего молодежной, организация специальных лекций и бесед для молодых в Домах культуры, клубах и т.д. К такой работе должны быть привлечены также и врачи, пропагандисты медицинских знаний. Кому как не им следует доходчиво объяснять молодым, что двойная нагрузка на женщину, которой не помогают дома, мешает ей успешно сочетать обязанности гражданина, работницы, матери и жены. (Переведенцев В. Браки. Разводы. Дети. Советский Красный Крест. 1980. № 9. С. 29.)

Переведенцев ратовал не за дефеминизацию репродуктивного труда, но за его «облегчение», т.е. сокращение при сохранении патриархатных конвенций. Мужчины должны «помогать» женам, но саму ответственность женщины за домашнюю сферу Переведенцев не оспаривал, – равно как и не ставил под сомнение, а, напротив, прокламировал обязательное материнство. Однако на фоне других авторов он выглядит почти феминистом. Другие публицисты озвучивали ровно те взгляды, которые Переведенцев называл «традиционными». Журналы изобилуют сочинениями психологов, укрепляющими бытовой сексизм авторитетом науки. Воспроизводится патриархатная азбука: описывается мужская активность против женской пассивности, мужская инновативность против женской «склонности к традициям», мужская «очерченная структура личности» против женской «способности приспособиться к любому характеру», «мягкость и слабость как

*главное достоинство женщины» и так далее*²². «Хорошая хозяйка» утверждается как сама собой разумеющаяся ипостась советской жены, – поскольку работа по дому понимается практически как поведенческий признак женщины: птице свойственно строить гнезда, пчеле – сооружать соты, женщине – готовить еду и мыть посуду. И никакое «равноправие» (сфера культуры) не в силах противостоять природным инстинктам:

Равенство равенством, но у нее тоже есть специфические семейные обязанности, и надо девушку к ним готовить... В конце концов, альтруизм заложен в женщине самой природой. (Соловьев И. О мужском и женском достоинстве. Советский Красный Крест. 1976. № 5. С. 17.)

И в условиях полного равноправия с мужчиной женщина остается воспитательницей, блюстительницей порядка, хозяйкой в доме. (Блинов Г. Агония женственности. Советский Красный Крест. 1978. № 6. С. 17.)

Перераспределять труд в семье бессмысленно и безнравственно, ибо чревато распадами семей. Такие сигналы поступали не только со стороны науки, но и со стороны экзистенциальных откровений самих женщин. Например, в одном из номеров «Советского Красного Креста» было опубликовано письмо покинутой мужем читательницы:

Память высвечивает один эпизод – вроде бы заурядный и ничего не значащий.

- Пришей мне пуговицу.

- Сам пришей. Я учу английский.

Вот он – семейный очаг. Муж действительно мог ее пришить сам, но, может, именно в те минуты он нуждался в теплом участии жены, хотел почувствовать заботу о себе, а вместо этого на него пролился холодный душ отчуждения, который тушил и его тепло, его желание ощутить на себе ласковое внимание женщины, в какой-то из вечеров окунуться лицом в ее ладони и испытать сладкую теплоту существования вдвоем...

...И хочу подчеркнуть – равноправие не предлог к тому, чтобы женщина вела себя в доме как разбушевавшийся начальник... (Ф. Л. Что я скажу своему ребенку? Письмо одинокой матери. Советский Красный Крест. 1976. № 7. С. 18.)

²² См.: Алексейчик А. Секреты характера. Советский Красный Крест. 1975. № 1. С. 16-17.
Алексейчик А. Секреты характера. Советский Красный Крест. 1975. № 2. С. 18-19.

Таким образом, хотя в идеологической сфере и звучали призывы к мужчинам взять на себя половину домашней работы, они не могли изменить ситуацию, поскольку вступали в противоречие с постоянно воспроизводящейся маскулинной гегемонией – социальной, политической, экономической. Разделить с женщиной репродуктивный труд – значит добровольно отказаться от властных привилегий андроцентричного общества, которые непрестанно утверждаются властными дискурсами. Т.е. ситуация была парадоксальна, – как и парадоксальна сама постановка задачи «освобождения женщины от кухонного рабства». В ситуации гендерной сегрегации и натурализации семьи эта задача не имеет решения. Невозможно освободиться от рабства при сохранении рабства, т.е. зависимой социальной роли женщин. Неоплачиваемый репродуктивный труд – своего рода принудительная работа, или, по выражению радикальных феминисток, «налог»²³ в форме трудовой повинности, обозначающий и обуславливающий подчиненное положение женщин. В такой ситуации при любых технических новшествах может измениться лишь форма «налога», но его величина, т.е. наличие эксплуатации/отчуждения, останется неизменной.

23 См.: Reproductive Labour Tax. [http://www.wikigender.org/index.php/Reproductive Labour Tax](http://www.wikigender.org/index.php/Reproductive_Labour_Tax)

КУХНЯ: ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛУКА И КАБАЧКА

В СССР невидимый репродуктивный труд – в силу неукладности борьбы за его сокращение – приобрел дополнительную степень невидимости. Неэффективность перечисленных путей освобождения привела к активации «пятого пути», – а именно, вытеснению и сокрытию этого неуспеха.

С одной стороны, двойная нагрузка женщин (работа на производстве + «вторая домашняя смена»), воспевалась и преподносилась как достоинство и обогащение жизни:

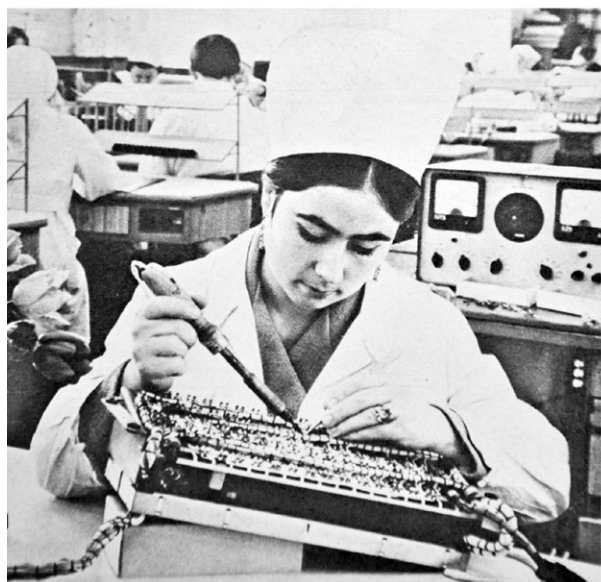
Мы привыкли к тому, что наши женщины всюду поспевают. Это уже вроде бы норма: ты и отличная производственница, и примерная мать, и прекрасная хозяйка... Многогранная жизнь, полная самых разных земных, осязаемых интересов. (Хорицкая Ю. Служу науке. Работница. 1975. № 9. С. 22.)

С другой стороны, одна грань этой многогранной жизни, а именно «первая смена», «настоящая работа», получала огромное преимущество в сфере репрезентаций. Факт существования «второй смены» забалтывался многочисленными рапортами об успехах женщин на производстве.

Содержание журнала «Работница» 70-х здесь особенно показательно. На обложке и в журнале размещалось огромное количество фотографий участниц трудового процесса; публикации о трудовых достижениях открывали номер и преобладали в нем. Материалы же, посвященные частной жизни и домашнему хозяйству, рецепты и советы вытеснялись на последние страницы, при этом не сопровождались фотографиями. Кадры женщин у плиты или со шваброй в руках никогда не появлялись в этих журналах. Домашняя работа, вроде бы признанная достойной «гранью земных интересов», тем не менее, не предъявляла образов, т.е. скрывалась от взгляда. Единственная фотография из всех просмотренных выпусков – стилизованная русская красавица с подносом, иллюстрирующая рецепты «Русской кухни», т.е. не «советская женщина», а сказочный персонаж. «Сказочный стиль» вообще превалировал при оформлении материалов, посвященных кухне. Чаще всего такие материалы сопровождалась мелкими, как оговорки, рисунками живых овощей – коллег Чипполино и Сеньора

В коллаже использованы фото из журнала «Работница» 70-х гг.

Помидора. Языком графики рассказывались веселые истории из жизни еды, которая сама себя производит. Эти а-ля иллюстрации из детских книжек повторялись из номера в номер и представляли мир кухни как инфантильный и задорный – слегка непристойный ввиду несерьезности – мир удовольствия, шуток, необязательной детской игры, вымысла. При сравнении пляшущей моркови с гордыми лицами депутатов с первых страниц контраст бил в лицо. Сразу становилось понятно, какой мир настоящий, а какого просто не существует.

Таким образом, советский патриархат предъявлял «демонстративный», «фасадный», или «репрезентативный» тип эмансипации женщин. Власть настолько часто и obsessивно рапортовала об «окончательном освобождении», что по одной этой частотности можно в этом освобождении усомниться.

КУХНЯ: КАК ПОЛЮБИТЬ НЕЛЮБИМУЮ РАБОТУ

Описанная дискурсивная ситуация сохранилась до распада СССР и стала благодатной почвой постсоветской реакции, которую принято определять как «патриархатный ренессанс» – ввиду усиления императива «возвращения женщины в семью» и устранения императива обязательного трудоустройства. Примечательно, что устранение последнего во время слома режима (перестройки) определялось как «освобождение»: *«Именно в период перестройки Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев выдвинул программу облегчения женской двойной нагрузки путем возвращения женщин к естественному предназначению, возвращению в лоно семьи (тоже своего рода эмансипация!), а чуть позднее министр труда Г. Меликьян высказывал сомнения в необходимости занятости женщин до тех пор, пока всем мужчинам не будет гарантирована работа... Анализируя культурные тенденции, обнаженные Перестройкой, Татьяна Клименкова пишет: "Это смешно, но до сих пор проходит незамеченным, что в манифестах многочисленных новых политических партий рядом с требованием предоставить личности право свободно развивать свои возможности, часто буквально на следующей же странице написано: "женщина, наконец-то, должна быть возвращена в семью". Невероятно, но – факт: наша "культурная общественность" не хотела отдать себе отчет в том, что такие формулировки явно и наивно противоречат прекрасным словам о свободе и развитии личностных возможностей..."»²⁴.*

Однако в системе «государственного патриархата» вряд ли такой сценарий можно счесть «невероятным», – скорее, закономерным. При отсутствии в СССР женского движения как политической силы, при отсутствии феминистского голоса в академической и публицистической сферах, при отчуждении общества от «правовых достижений» – *общественных*, но не *общих* – эмансипация женщин являлась проектом государства, а не общества, не была *приобщена*, т.е. не имела в обществе опор, поэтому вместе с крахом государства так легко начался процесс ее сноса.

Сегодняшние женские журналы от советских отличает существенный перевес в сторону частной жизни. На нынешних обложках – портреты не швей и строительниц, а моделей и актрис, т.е. тех же «успешных женщин», однако с качественно иным пониманием успеха (культ селебритис это особое явление, требующее специального внимания). Рецепты приготовления блюд сопровождается не мелкая графика, а пышные фотографии готовой еды, тоже как бы появившейся по мановению волшебства. На бытовую технику надежды возлагаются по-прежнему, и даже с удвоенной силой. Т.е. существует немало и сходств. Однако главное отличие: чувство вины за неискоренный домашний труд, витавшее на страницах советских журналов, со страниц сегодняшних начинает выветриваться. Материалов о домашней рутине по-прежнему гораздо меньше по сравнению с модой, психологией и путешествиями; репродуктивный труд по-прежнему незаметен и не приветствуем в сфере репрезентаций, однако предпринимаются очевидные попытки реабилитировать эту деятельность, «смирить» с ней женщин. В качестве примеров можно привести:

Иллюстрация к рассказу «Бабушкин рецепт»

- *Попытки придать неприятной работе ореол психологической терапии: когда занимаешься очищением пространства, это приносит моральное удовлетворение, и проблемы сами собой отступают. Новелла из «Домашнего журнала» (2014) рассказывает историю девушки, обретшей счастье и гармонию после того, как она воспользовалась бабушкиным рецептом от снятия депрессии – «мыть полы три раза в день»:*

За три дня Лера выдраила квартиру до блеска и сама будто очистилась изнутри. Не

это ли имела в виду ее мудрая бабушка? Не зная, долго ли продлится эйфория, Лера решила закрепить эффект. Она вооружилась тряпками и вышла в подъезд. «Ну и гряззища!» - сердце ее радостно забилося... (Рожкова Е. Бабушкин рецепт. Домашний журнал. 2014. № 17. С. 45.)

- Попытки придать обслуживающему труду ореол индивидуальной практической пользы. В журнале «Дарья» приводится таблица условных единиц физической нагрузки, соответствующих той или иной домашней работе (тоже своего рода НОТ и оптимизация труда – одновременно и чистишь плиту, и сжигаешь калории):

В вашу фитнес-программу отлично впишется и выполнение скучных домашних обязанностей, ведь это тоже физическая нагрузка. Воспользуйтесь таблицей и подсчитайте, сколько очков вы наберете за день. Программа-минимум – 40 пунктов. (Домашний тренажер. Дарья. 2014. № 19. С. 23.)

Домашний тренажер		10 минут	Раз- весить белье	Пыле- сосить	Играть с деть- ми	Гото- вить	Мыть пол	Гладить	Мыть окна	Сходить за про- дуктами	Выгу- ливать собаку
Не торопясь			2	2	3	3	2	1	2	2	3
В среднем темпе			3	4	6	5	3	2	3	4	4
Активно			4	6	11	7	4	3	4	6	7

Вашу фитнес-программу отлично впишется и выполнение скучных домашних обязанностей, ведь это тоже физическая нагрузка. Воспользуйтесь таблицей и подсчитайте, сколько очков вы наберете за день. Программа-минимум – 40 пунктов.

- Советы, как смириться с неизбежным. Читательница «Домашнего журнала» делится с товарками приемами адаптации к нелюбимой деятельности:

Я обычно использую два способа. Первый – просто делать. Не думать, не оценивать, не представлять заранее, как это долго, нудно, неприятно. Можно вообще думать о чем-нибудь другом. Например, об отпуске в Таиланде среди слонов и песчаных пляжей. Второй – сделать вид, что тебе это нравится. Перед кем сделать вид? Перед собой. Потому что если рассудить разумно и посмотреть со стороны, то ничего такого ужасного в муке и отмывании грязных окон нет.

Наоборот, это можно превратить в увлекательную игру. Ведь когда-то ребенком вы же играли «в повариху» или «в уборку». Делать повседневные дела понарошку тогда было гораздо интереснее, чем сейчас по-настоящему. Осталось только это вспомнить. (Письмо Н. Сердцевой, г. Геленджик. Рубрика «Есть Контакт!». Домашний журнал. 2014. № 15. С. 4.)

Мы здесь словно возвращаемся в мир домохозяек Бетти Фридан, которые, несмотря на самые современные бытовые машины, так и не смогли избавиться от *«основной мысли, которая опасно маячила в «тысячах глубинных интервью, проведенных нами по поводу десятков разных чистящих средств», мысли, которую сформулировала одна домохозяйка: "Это отвратительно! Я вынуждена делать это, и потому я это делаю. Это неизбежное зло, вот и все"»*²⁵.

Авторка последнего письма не пытается придать домашнему труду какие-то прибавочные качества, не ищет в нем источник счастья. Она отдает себе отчет, что труд этот неприятный и нудный. Но это «неизбежное зло», и его надо принять – «просто делать». В какой-то степени такое «прямое» смирение сильнее и безнадежнее, чем вера в терапию или магию мытья полов.

Итого, наш обзор прессы, посвященной «освобождению женщины от кухонного рабства», завершается полным освобождением от любых попыток освободиться.

²⁵ Фридан Б. Загадка женственности. Пер. Э. Салыгиной.

Л. Ильина. Целинники. 1963.

У МЕНЯ ЗАКРЫТ РОТ

ТОЛЬКО ПОТОМУ ЧТО ЭТОГО ТРЕБУЕТ ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ

НА МОЕЙ РАБОТЕ!

Внутренняя мизогиния и внутренний сексизм

Часть II

Айканыш Абылова

(Начало в вып. 1)

«Женский мозг призван обеспечить обладательнице хорошие социальные навыки»²⁶, которые дают «возможность завязывать знакомства с интересными людьми, добиваться той работы, которая нравится, укреплять личные отношения»²⁷.

Взглянем на личные отношения женщин.

Любовница – жена

Свекровь – невестка

Начальница – подчиненная

Подруга – подруга

Мать – дочь

Какие приходят на ум ассоциации? Что они прекрасно ладят и сотрудничают, ведь у них мозг просто создан для этого.

«Под популярным образом женщин, как более способных к отношениям, скрывается реальность, которая мешает нам поддерживать, защищать и бороться друг за друга. Что-то заставляет женщин ненавидеть друг друга, завидовать друг другу и принижать друг друга. Что-то учит женщин, что они должны использовать язык и орудия патриархата против других женщин»²⁸.

Женщинам внушается, что они должны жить для других и положить свою жизнь на алтарь служения людям – в первую очередь мужу и сыну. Что из этого выходит – мужчина превращается в сверхценность,

²⁶ Мозг мужчин и женщин отличается ориентацией нейронных связей.

<http://elementy.ru/news/432176>

²⁷ Социальные навыки. Как добиться согласия и взаимопонимания с другим человеком. <http://www.effecton.ru/928.html>

²⁸ Рожке Хасселдине. Почему женщины так критично относятся друг к другу? <http://ravnopravka.ru/2011/03/рожке-хасселдине-«почему-женщины-так-/>

а другие женщины – подруги, коллеги, знакомые мужа или сына – в угрозу.

ЖЕНА – ЛЮБОВНИЦА

Общество считает мужчин полигамными и неспособными сопротивляться сексуальному влечению и предписывает женщинам следить за окружением близкого мужчины, дабы вовремя устранить соперницу. Что может быть унижительнее, чем проверять телефон, обнюхивать рубашку; сузив глаза, испепелять проверяющим взглядом всех женщин, на которых мимоходом взглянул мужчина; нанимать частного детектива для слежки за мужем, не спать ночами и получать телефонные звонки от любовницы. И это считается вполне себе достойным занятием.

Хотя говорят, что изменяет мужчина, не понятый в семье или «неудовлетворенный», на самом же деле это лишь мнение, прислуживающее сильному. Можно относиться к измене мудро или просто, или как угодно, можно рассматривать с функциональной стороны, а можно с моральной, – но это не меняет того, что женщины вынуждены смириться либо принять вызов и начать борьбу.

Традиционна война жены и любовницы за приз – мужчину, хотя в целом институт любовниц является проявлением мачизма. Институт любовниц – торжество сексуальности мужчины и к самим женщинам имеет слабое отношение. Обе – жена и любовница – оказываются в вынужденной невыгодной ситуации, и обе служат лишь для поддержки мужского самолюбия.

Случай из Кыргызстана

Жена, узнав телефон любовницы, приехала за ней в школу, усадила ее в свой автомобиль. Стала расспрашивать. Девушка отрицала свою связь с мужем женщины. Тогда женщина пригрозила походом к гинекологу и проверкой на девственность (в 17-18 лет быть не-девственницей считается неприемлемым в регионах). Девушка призналась во всем, после чего жена достала ножницы и стала срезать локоны с головы девушки и жеманно сдвигать их в окно. Вдоволь насладившись унижением жертвы, жена отвезла ее обратно в школу.

В редких случаях жена и любовница могут подружиться, но опять же, что их объединяет? Только мужчина. О чем они могут говорить? Об общем мужчине. И даже если они поливают его грязью, это не отменяет того, что всё их внимание приковано к нему.

Как относится к изменам мужчина? Так как у мужчин не существует внутренней мизандрии, он возлагает ответственность за измену, во-первых, на женщину, а потом на себя, а потом уже на соперника. Многочисленны случаи жестоких убийств и насилия на почве ревности. Желание контролировать женщину – тот же самый мачизм (желание оградить свою собственность от посягательств). Мужчина может даже отдавать женщину «в пользование» своим друзьям, но только если он распоряжается ее телом сам. Если же жена смеет отдаваться другому по своему желанию, это приводит мачиста в бешенство. В глазах общества муж зачастую имеет право на месть, а «рогатый», не отомстивший мужчина считается тряпкой.

СВЕКРОВЬ – НЕВЕСТКА

Вот как объясняет ревность матери к невестке сайт 7ya.ru:

«Дело в том, что женщины по природе своей более эмоциональны и живут скорее чувствами, чем разумом. Часто они и сами знают, что излишне строги и придирчивы, и даже понимают, почему, но ничего не могут сделать с собой, вернее, со своими эмоциями».

Таким образом, природа женщин в том, чтобы быть неконтролируемо эмоциональными. Но природа женщин также и в том, чтобы быть прирожденными подтирательницами задниц, прислугами и кудахтающими и воркующими мамашами до самой смерти своей.

Мы сами не замечаем, как культура одобряет и восхваляет одержимость матери своим ребенком.

Моя бабушка с гордостью говорила, что ее 50-60-летние сыновья для нее – все еще дети. Главная заслуга матери перед обществом, главный повод для нее гордиться собой – это то, что она родила и воспитала мужчину. А в случае матери-одиночки, испытывающей чувство вины, пытающейся двойной заботой восполнить отсутствие второго родителя – хоть наизнанку вывернись, да воспитай – еще и обеспечить не

хуже, чем тех детей, у кого есть оба родителя. Естественно, когда сын у матери-одиночки вырастает, появление у него пассии вызывает болезненную реакцию. С таким трудом и лишениями, которые она вложила в сына, и вдруг любовь его достается не ей, а появившейся ниоткуда, ничего не заслуживающей дряни. Мать не представляет свою жизнь в том случае, если ее служение сыну не нужно.

ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА

«Женщины в большинстве своем оттого так безразличны к дружбе, что она кажется им пресной в сравнении с любовью». Ф. Ларошфуко.

«Мужчины играют дружбой, как футбольным мячом, и она остается цела. Женщины играют дружбой, как стеклянной вазой, и она разбивается». Энн Линдберг.

«Женщины отдают дружбе лишь то, что берут взаймы у любви». Н. Шамфор.

«Женская дружба существует до тех пор, пока интересы женщин не пересекаются. Дружба между женщинами – всего лишь пакт о ненападении». Анри де Монтерлан.

Женская дружба не признана как социальный институт. Зависит ли жизнь женщины от того, насколько искренняя и крепкая дружба связывает ее с подругами? Нет, подруги, скорее всего, имеют такой же вес в обществе, как и она сама. В трудной ситуации женщина чаще обращается за материальной помощью к мужчине. Ресурсы контролируют в основном мужчины. Женская дружба – сегодня лишь составляющая душевного комфорта. Если мужчина получает работу благодаря дружеским связям, создает много деловых связей и поддерживают их, то женщина более заинтересована в «личных отношениях». Она не вкладывает столько же времени и усилий в отношения с подругами, сколько мужчины – в отношения с друзьями. Может быть, поэтому общество спешит выразить свое «фе» женской дружбе – мол, хилые ненадежные твари, как они могут дружить. Якобы зависть сводит подруг к показной игре и фальшивому обмену любезностями.

Мы окружены ложью о том, что женщинам свойственно завидовать друг другу, тогда как мужчины не завидуют – они соревнуются. *Якобы женская дружба существует, пока на горизонте не появился мужчина.* Между тем, дружеские связи мужчин тоже рушатся из-за женщин. Когда друг мужчины уводит у него девушку, обвиняет ли он весь мужской пол в этом? Клянется ли он никогда больше не доверять друзьям?

Некоторые еще настаивают на том, что нет понятий «женской» и «мужской» дружбы. Но сказать, что дружба – понятие вне пола – значит признать, что в обществе достигнуто полное равенство полов. Немало женщин признают роль и значение женской дружбы, но с оговорками. Но пока мы не признаем, что институт женской дружбы мог бы стать таким же значимым, как институты семьи и романтических отношений, положительных сдвигов не произойдет.

Продолжение – в следующем выпуске.

Рисунок Айканыш Абыловой

Женщина должна быть приветливой и милой: Что с моим лицом, и почему это вас волнует?

Диана Ухина

«Девушка, что вы такая серьезная/грустная/злая?» – острым звоном раздается в ушах. «Что? – возникает в голове. – Почему проходящий мимо парень/мужчина/дед позволяет себе комментировать мое выражение лица и обращаться с этим комментарием ко мне?». Потому что ты имеешь женское тело! И именно поэтому предполагается, что в ответ на данное высказывание и ему подобные, женщина должна отреагировать благосклонно. И не важно, что тебя удостоили вниманием, которое тебе совсем не нужно; не важно, что тебе это может быть неприятно (такая мысль даже не возникает); не важно, что ты вообще не желаешь получать комментарии о том, кто и как тебя воспринимает. Но важно удовлетворить чье-то самолюбие, «проявить чуткость» и не оставить без ответа свалившийся на тебя жест «внимания» как минимум приветливой улыбкой. Такая заданная обществом форма поведения не что иное как обслуживание – обслуживание эмоциональное. От тебя всегда ждут услужливости, податливости и приветливости – ведь это «природой» созданное состояние, а по сути – инструментализация женщины.

При этом мужчина никогда не обратится с аналогичными комментариями к другому незнакомому мужчине, потому что это иной уровень взаимоотношений – отношения равных, где подобные заботливые интенции просто неприемлемы. Фраза «Молодой человек, почему у вас такое серьезное лицо?» от мимо проходящего мужчины прозвучала бы нелепо, но почему-то она не является нелепой и бестактной в отношении женщины.

Мы с детства окружены иллюстрациями правильного феминного поведения и необходимости включения себя в соответствующую роль. Как писала Симона де Бовуар, женщиной не рождаются, а становятся. Это социально сконструированный образ, которой имеет свою норму и, естественно, отклонения от этой нормы. Исходя из твоего тела, считается, что ты должна быть покорной, аккуратной, заботливой, терпеливой и еще множество «...ой». Роли девочки, жены, матери, дочери, женщины являются первоопределяющими в

восприятию тебя. *Но не странно ли это – иметь определенные черты характера и поведения, потому что у тебя определенное строение тела?*

Цоканье, свист, улюлюкание и тому подобные жесты одобрения проходящего мимо объекта – само собой разумеющееся поведение в мире, где мужчина чувствует себя комфортно, потому что он привык считать себя его хозяином. «Человечество создано мужским полом, и это позволяет мужчине определять женщину не как таковую, а по отношению к самому себе; она не рассматривается как автономное существо». – *Симона де Бовуар. Второй пол. Отсюда и вытекают все эти вольности, что позволяют себе представители половины человечества.*

Часто женщина оказывается в ситуации харрасмента в самой прямой, неприкрытой форме, и если она возмущенно – а чаще всего очень вежливо – отказывается от этого внимания, то от нее обязательно требуют ответа – почему она не хочет принимать его «добронамеренные» ухаживания. Женщина должна иметь очень веский аргумент отказа. Ответы «не хочу», «ты мне не интересен», «я не должна объяснять своего нежелания» – в такой ситуации вообще не воспринимаются, их не слышат и не желают слышать. Единственный действующий аргумент, который женщина может предъявить в подобной ситуации – это заявить о наличии другого мужчины – мужа/парня. Ну или ответ «у меня строгий папа/брат» может более весомым, чем твой самостоятельный отказ.

Согласно Фуко, власть – это власть дискурсов. Патриархатной системе, чтобы существовать, не нужно утверждать себя через прямое насилие (которого, впрочем, достаточно), – довольно каждодневных, «безобидных» объективирующих жестов и циркулирующих идей, и ты опять и опять утверждаешься в уверенности в том, что вокруг все создано по «мужской» выкройке. «Самость выражает внутреннюю власть. Она никогда не перестает существовать – вне зависимости от того, на каких основаниях ее атакуют... Она защищается и традицией, и законодательством, она провозглашается в искусстве и в литературе, она задокументирована историей, она поддерживается при распределении материальных благ... Первый догмат идеологии мужского превосходства состоит в том, что мужчины имеют эту

самость и что женщинам, по определению, ее не достает». *Андреа Дворкин. Порнография: мужчины обладают женщинами.*

Твое слишком женственное тело и твои феминистские взгляды вызывают диссонанс, потому что тебе в рядах нормативно «хорошеньких» и так должно быть хорошо, а феминизм это нехорошо, это про разрушение ценностей. Ты слышишь, что нужно оставить это и дать женщине быть женщиной, потому что так заведено в обществе, и все будет хорошо. Меньше мыслей – меньше проблем. Когда ты говоришь, что тебе неприятно чье-то внимание, ты слышишь в ответ, что это лукавство, т.к. любой женщине приятно внимание любого мужчины (заметьте – любого), – непонятно, кто вывел эту «аксиому», и на каких основаниях она держится.

Когда девочке говорят «ты же девочка» – за этим стоят тысячи сконструированных норм, которые придется усваивать и перенимать в течение взросления. Например, когда на тебе юбка выше колен, ты должна задумываться о том, чтобы пораньше вернуться домой, потому что твою «слишком короткую юбку» могут воспринять как само за себя говорящее приглашение. В этот момент ты явно чувствуешь, что мир, в котором ты живешь, ставит тебя в угнетенное положение, опыта которого у части населения нет, и в такой момент твое личное становится политическим.

Гимнастика номера

1. Прежде чем сказать «мне режет слух слово "авторка"», *прикинь* – так ли важен комфорт твоего слуха по сравнению с работой по обретению людьми субъектности.

2. Прежде чем возмутиться феминистским сепаратизмом, *взвесь* – не приберечь ли эту энергию для противодействия тотальному «анатомическому критерию» властных институтов.

3. Прежде чем похвалить чью-то «красоту», *поразмысли* – кто наделил тебя правом оценивать и сортировать людей.

4. Прежде чем заявить, что «феминистки преувеличивают», *оцени* – какие позитивные знания позволяют тебе сделать это ответственное высказывание. Поняв, что никакие, начинай читать матчасть.

5. Прежде чем озвучить позицию «феминиста с оговорками» («я не сексист, но...», «мизандрия», «эта Андреа Дворкин...»), *предположи* – даже такой современный парень, как ты, без огромной работы над собой является носителем патриархатных предубеждений.

6. Прежде чем вступить в полемику, *проверь* – какого качества твои аргументы. Поняв, что это: 1) отходы лаборатории Капитана Очевидность («природа», «предназначение»), 2) мемуарно-солипсические впечатления («а вот я знаю женщину...», «среди моих знакомых...»), возвращайся к упражнениям 4 и 5.

Лучшие друзья патриархата – не Милонов и Чаплин, а рутина и лень мысли.

Бинго для чайлдфри

История кухни и освобождения от нее

Гимнастика номера

Бишкек

Ноябрь 2014